Папарацци

Автор:
Андрей Баранов

Папарацци

Андрей Баранов

Маленькая пьеска для антрепризы повествует об охоте вредных папарацци за добрыми и простыми знаменитостями. Известный, но безымянный Актер и его текущая любовь Луиза подвергаются внезапной атаке репортеров желтой прессы в своем собственном поместье. И если бы не вмешался отец Филарет, еще неизвестно, чем бы все кончилось!

Андрей Баранов

Папарацци

Комедия

Действующие лица:

Макс,

Рекс – папарацци.

Актер.

Его любовница Луиза.

Священник Отец Филарет.

Действие 1

Где-то в родовом имении Актера. На сцене двое папарацци – Рекс и Макс, с большими фотоаппаратами на груди и чемоданчиком фоторепортера. Не в настроении.

Макс. – Снял?

Рекс. – Да.

Макс. – А что ты снял?

Рекс. – Ничего.

Макс. – Вообще ничего?

Рекс. – Вообще.

Макс. – Дай взглянуть. (Смотрит на экран фотоаппарата).

Рекс. – Посмотри сам.

Макс. – Действительно. Ничего. Он даже не вышел на балкон в одних трусах. Он что, анекдотов не читает?

Рекс. – Чукча не читатель, чукча писатель. Если бы он вышел на балкон родового имения в трусах, об этом бы завтра знала вся страна.

Макс. – А если бы он вышел без трусов – ооо!

Рекс. – Даааа!

Макс. – И все бабы пытались бы прикинуть на глазок – сколько сантиметров?

Рекс. – А это так важно?

Макс. – Если важно не это, то что же важно вообще? Форма – она же определяет содержание. (Делает жесты руками).

Рекс. – Содержание?

Макс. – Да. Кстати, мало того, что у нас нет фото, наша статья тоже бессодержательна. Что ты там накарябал?

Рекс. – Я? Это ты накарябал.

Макс. – Ну хорошо, мы вместе накарябали. Ну-ка…. (Смотрит в карманный компьютер).

Рекс. – Вода.

Макс. – Чистая.

Рекс. – Дистиллированная.

Макс. – Вот черт. (Срывается с места, ходит кругами). Нас же уволят!

Рекс. – Да, старик редактор суров. Суров, но справедлив.

Макс. – Нас выкинут ко всем чертям – и все из-за высокоморального образа жизни этого звездного негодяя!

Рекс. – Как будто мы в этом виноваты. Он даже не гомик. Чертов натурал!

Макс. – Да, спит с бабами. XIX век.

Рекс. – XV!

Макс. – Вообще доисторическая эпоха. Хотя нет. Там все со всеми, как собачки.

Рекс. – Неважно. В общем, играет в святого он – а достанется за этот грех нам.

Макс. – Надо что-то делать.

Рекс. – Надо что-то делать… А что?

Макс. – Я понимаю, он звезда. Он снимается в сериалах. Как этот новый шедевр – «Последний герой на фазенде!» Он мачо. Но только в кино.

Рекс. – А в жизни всего одна несчастная любовница. И машина – «Фольксваген-гольф». Ну почему, почему он ездит на «Фольксвагене», хотя мог бы позволить себе «Мерседес»? Все деньги пропивает, что ли?

Макс. – Если бы. Почти не пьет. В своем интервью он сказал, что «Порше» и «Лексус» – это машины безработных.

Рекс. – Почему безработных?

Макс. – Потому что как ни откроешь газету, там написано: «Сегодня в столице у безработной блондинки снова угнали „Лексус“.

Рекс. – А нам приходится делать его фото на фоне народного автомобиля. Мрак.

Макс. – Если бы у него были бы хотя бы интересные фильмы… или сериалы… или хоть театральные спектакли на худой конец.

Рекс. – Чувствую, конец будет худой. Скажешь тоже – да откуда их сегодня возьмешь, хорошие спектакли-то?

Макс. – Тогда зритель чувствовал бы, что даже самое обычное хобби нашей звезды – это как бы продолжение его приключений. Ну например, он идет охотиться за бабочками на полянку – это продолжение его охоты за мотыльками

на Суматре из фильма «Золотой джокер», где он играл главного врага агента 007!

Рекс. – По-моему, он ни в чем таком никогда и не снимался.

Макс. – Так почему же, черт возьми, все считают его суперзвездой, если он за всю жизнь ни в чем хорошем не снялся? Он уже не мальчик.

Рекс. – У нас нет других звезд. Учти, у нас в стране за 20 лет было снято примерно 20 фильмов, которые вообще можно назвать фильмами – все остальное фиксированный на пленку поток сознания. Ну не могли же все попасть в эту двадцатку. Кому уж повезло.

Макс. – Ну нет, лет десять назад он снялся в шедевре. «Уральский стригун». Приз – «Особая каннская ветвь мира». Ее принес специальный голубь.

Рекс. – И вот уже много лет мы пережевываем воспоминания об этом шедевре.

Макс. – Понимаешь ли, Рекс, дружище, мы любим наших «звезд» вовсе не как раньше, за сыгранные ими роли. Сейчас мы любим их за то, что они такие же неудачники как и мы, зрители. Они нигде не сыграли за всю свою актерскую жизнь, кроме одного или двух приличных эпизодов, по которым можно понять, что они неожиданно хорошие артисты или там певцы, просто им не повезло. Не то время и не то место.

Рекс. – А поскольку зрителям тоже не повезло, и вместо работы инженером он 15 лет оттрубил челноком «Москва-Турция», то они им сочувствуют и любят их.

Макс. – Причем многие актеры желают, чтобы их любили только за то, что они такие талантливые. Ведь быть талантом – это уже немало. Но некоторые негодяи-зрители попадаются такие капризные, что требуют еще и хорошего конечного результата.

Рекс. – Чего стоит талантливый конструктор, если он не построил ни одного космического корабля?

Макс. – Да, в то время, когда наши космические корабли бороздят глубокими бороздами Международную космическую станцию… ладно, кончай болтать! Надо что-то делать!

Рекс. – Редактор нас ненавидит. Он нарочно дал нам этого святошу.

Макс. – Я чувствую, Рекс, нам придется временно поступиться нашими принципами.

Рекс. – А у тебя разве есть принципы?

Макс. – Есть, но я стараюсь их бросить. Это как курение. Когда коллега снимал Янковского, случайно заснувшего на пляже, то он для достоверности пододвинул к нему пустую бутылку.

Рекс. – Да, я помню – вышел очень пьяный кадр. А еще Народный артист! Разве можно так напиваться, тем более пивом!

Макс. – Но тут был железный принцип – для скандала нужен хоть один материальный повод. А теперь я торжественно заявляю, что отказываюсь от всяких поводов!

Рекс. – Как это?

Макс. – Элементарно. Принцип следующий. Сочиняется художественное произведение. Завязка, действие, развязка. Вместо имени главного героя ставится имя нашего святоши – ну или любой другой суперзвезды по выбору. Потом этот коктейль публикуется. Все просто.

Рекс. – Гениально! И как легко! А ты не забыл на минуточку, что говорится в законе о СМИ о клевете, диффамации, вторжении в частную жизнь?

Макс. – А что там говорится?

Рекс. – Не знаю. Я и сам не читал. Но что-то там наверняка говорится. Не ты первый такой умник. В лучшем случае судебный процесс.

Макс. – А в худшем?

Рекс. – Просто набьют морду.

Макс. – А ты не забыл, что такое безработица, работа курьером на полставки, нищета, больная жена и семеро голодных детишек?

Рекс. – Я не женат! Ты же знаешь. А разве у тебя семеро детишек?

Макс. – Не считал. Ты счастливчик. Тогда тебе не понять. Короче – ты со мной или нет?

Рекс. – А, тонуть так тонуть. С тобой. Куда ж я без тебя.

Макс. – Дай руку, друг! (Жмет руку приятеля). Итак, завязка… Неделю назад холодным темным вечером известный актер NN (хи-хи!) вышел из дома и как всегда отправился на развратную оргию. Воспользовавшись несколькими мгновениями свободного времени, он успел очаровать и развратить казино «Нью Мулен Руж», известный салон типа бордель на Кутузовском и детский дом номер 16…

Рекс. – Не перебор про детский дом? Сейчас с педофилией активно борются.

Макс. – Ой, ты не знаешь этих детишек. Сами развратят кого угодно, а взрослым потом отдувайся.

Рекс. – Ну пусть.

Макс. – Будучи в конце концов задержанным особым отрядом полиции нравов, NN объяснил свое поведение тем, что в этот вечер был не занят в спектакле, а следовательно мог распоряжаться своим временем по собственному усмотрению. До рассмотрения своего дела судом из двенадцати присяжных он отпущен под залог и пока продолжает радовать нас, своих зрителей, участием в многочисленных спектаклях и сериалах, в том числе сериале «Философ», отмеченном Госпремией…

Рекс. – «Философ»?

Макс. – Да, про то, как в сталинские времена зэк-философ, отбывавший наказание в колымских лагерях, добровольно вербуется в разведчики, переходит во время ВОВ линию фронта, проникает в ставку Гитлера, имеет Еву Браун во все дыры, а с Гитлером он знаешь что делает?

Рекс. – Что?

Макс. – Не знаю. Я не смотрел эту серию. Я же все-таки женат. Я замучился гнать детей от телевизора.

Рекс. – А интересно было бы взглянуть.

Макс. – Ты это увидишь, даже почувствуешь на себе, когда редактор прочтет те бесцветные каракули, которые получались у нас до сих пор.

Рекс. – Хорошо, давай расцветим каракули!

Макс. – А я что делаю? Ну, потом он попадает на необитаемый остров курортного типа… типа Анталия… (Наклоняется над компьютером и быстро стучит по клавишам). Секс с туземками… секс с туземцами… секс с обезьянами… новая разновидность СПИДа…

Рекс. – Почему только секс? Там больше нечем заняться?

Макс. – Ну как же, как же. Выпивка, коктейль «Морская лагуна», «экстази», все в экстазе, разноцветные пальмы, океан… приливы и отливы… Серфинг. На гребне волны.

Рекс. – Написал?

Макс. – Да!

Рекс. – Отправляем?

Макс. – Да! По спутниковой связи.

Рекс. – Почему по спутниковой? Редакция ведь рядом.

Макс. – Так солиднее.

Рекс. – Жаль фото приличных нет…

Макс. – Ну, пока со старыми. Сегодня же в вечерней напечатают. И в инете тоже. Продолжаем дежурство?

Рекс. – Яволь, майн хрен! (Бьют по рукам).

Макс. – Что за шум?

Рекс. – Он идет. Прячься! Воздушная тревога! Звезда на подходе! Все в укрытие!

Макс и Рекс прячутся на балкончике над сценой – только высовываются их длиннофокусные объективы.

Действие 2

На сцене кресло, диван и стол со стульями. Входит Актер.

Актер. – Ну вот, Наконец-то я один, совсем один! Сбылась мечта. Никто меня не видит, не слышит. Никого тут нет. (Вглядывается в зрительный зал). Да, совсем никого. Не аншлаг у нас сегодня. (Смотрит на сцену). И тут никого. Посмотрим – нет ли шпионов? (Ищет, ходит по сцене. Макс и Рекс прячутся еще глубже, Макс маскируется ветками на кепке. Актер смотрит в сторону балкончика, но никого не видит. Садится в кресло). Ну что ж, пока отдохнем. От чего же я отдыхаю? А – от славы, Б – от популярности, В – от назойливых писак, проклятых журналюг, которые стремятся все вынюхать… Папарацци – раньше и слова-то такого не было. Что-то итальянское, наверное. Пиперроне, макароны, пицца… Ах, я тихо учился актерскому ремеслу в маленьком арбатском переулке, и не хотел всего

этого кошмара… Как было раньше – об артистах рассказывали легенды! А теперь сплетни. Это сказал кто-то из великих, но покойных. Какое им дело до того, с кем я сплю? Я не спрашиваю, с кем спят они, и спят ли вообще. Прямо Армянское радио – неизвестно, был ли Чайковский гомосексуалистом, но мы ценим его не только за это… Старый анекдот. Говорят, что Олег Даль, пытаясь скрыться от фанатов, бросился в морскую воду в костюме и поплыл… Я тоже хочу уплыть от них от всех. Жаль, правда, я не умею плавать. Но это не важно. Ведь теперь у меня есть мой спасательный круг – Луиза. Родители-идиоты назвали ее этим старофранцузским именем. В общем, Лизка. И скоро она придет. С ней я не утону. В этом бурном житейском море она меня непременно спасет. Она меня не бросит. Подождем? Подождем. (Откидывается в кресле и дремлет).

Рекс. – Кажется, заснул.

Макс. – Да, решил покемарить. Удобно тут, на заборе. Длиннофокусный объектив, направленный микрофон…

Рекс. – Пишется?

Макс. – Конечно! (Прижимает наушник к уху.) Потом расшифруем.

Рекс. – Значит, любовница все-таки его еще не бросила? Слава богу. Хоть что-то.

Макс. – Напишем, что любовница ему нужна, чтобы скрыть свою гомосексуальность. Так многие делали.

Рекс. – Кгм.

Макс. – Ничего, будет любовник – напишем и о нем, как только заметим. Не беспокойся.

Рекс. – Кстати, наш материал уже в номере?

Макс. – Счас… клавиатура мелкая… ага… ага… йез!!! Вот он! Утром в газете, вечером в куплете… то есть наоборот…

Слышится шум шагов. Входит Луиза.

Макс. – Прячься!

Рекс. – Опять? Ложись!!! (Прячутся).

Действие 3

На сцене – Актер, Луиза, на балконе, имитирующем забор резиденции – Рекс и Макс.

Луиза. – Ах, вот он, мой пупсик. Моя любимая звездочка. Он так устает, бедняжка. Он играет в стольких сериалах одновременно. Он так талантлив! Но КПД как у паровой машины братьев Черепановых. Ну он не виноват, что сейчас у нас снимают одну макулатуру… или как это назвать? Муть? Жуть? Отстой? Ну в общем, сами знаете… Зато как он играет в водевилях, боже! Как он там играет! Театр – вот где настоящее, живое искусство. Вот где можно снять с партнера штаны так, чтобы все аплодировали. Немножко любви, чуть-чуть поцелуев ниже пояса – и вот он, успех! О Мельпомена! Ну это он так говорит. Кто такая Мельпомена, я не знаю. Он объяснял, что это его богиня. А вообще имя, конечно, странное. Ну, пора будить садовую соню. (Подходит ближе к креслу). Дорогой! Ты спишь?

Актер (медленно просыпается, трясет головой). – Разве я сплю?

Луиза. – Полагаю… да. Ты заснул и не дождался меня.

Актер. – Ну да. Я типа задремал. Замечтался. Подумал, что я совсем один…

Луиза. – Как это – один? А я? И правда размечтался. Я тебя не брошу. От меня еще никто не уходил!

Актер. – Я не не собирался.

Луиза. – Не пытайся. Даже и не думай!

Актер. – Я надеялся, что мы с тобой вмести навеки… правда, крошка?

Луиза. – Крошка?

Актер. – Ну да. Крошка. Ведь ты же моя крошка?

Луиза. – Да, твоя… но почему «крошка»? Мне не нравится этот тон.

Актер. – Ну это потому, что я тебя типо безумно люблю.

Луиза. – А причем здесь «типо»? Что за жаргонизмы? Просто «Люблю», безумно. Безумно-безумно?

Актер. – Да!

Луиза. – Безумно-безумно-безумно?

Актер. – Да, без ума от тебя. Вообще без ума.

Луиза. – Совсем?

Актер. – Да! Да! Черт возьми!

Луиза. – Ах, я так счастлива! Но кстати – не упоминай имя этого хвостатого постоянно. Мне как глубоко верующей православной девушке это не нравится.

Актер. – Ты верующая, да еще и глубоко?

Луиза. – Да. Я каждую неделю хожу в церковь. По воскресеньям.

Актер. – Ах вот куда ты ходишь! А я-то думал – куда? К кому? К приятелю? Я ревновал…

Луиза. – Ах ты мой ревнивец! Мой ревновашка! (Треплет его по волосам). Ты думал – я хожу к любовнику? Нет. Мой любовник – это Бог. Я люблю только его, ну кроме тебя. Ты и он.

Актер. – Я на первом месте?

Луиза. – Да, мой кумир. Мой бог!

Актер. – Ну, слава Богу!

Луиза. – Кстати, как у тебя сегодня с рейтингом?

Актер. – Как обычно… Неплохо… а что ты имеешь в виду?

Луиза. – Ну, не твою популярность… популярность высока, но… Но кажется, чего-то не хватает… (Лезет ему рукой куда-то в районе брюк).

Актер. – Ой!

Луиза. – Боже!

Актер. – Опять!

Луиза. – У тебя упал рейтинг!

Актер. – Не может быть!

Луиза. – Я тебе говорю!

Актер. – Нет! Я только что снялся в двух сериалах! И в одном документальном фильме о жизни Чехова! С Анфисой Чеховой! Я популярен!

Луиза. – Я не это имею в виду!

Актер. – А что ты имеешь в виду?

Луиза. – А вот что ты имеешь, и что ты введешь?

Актер. – А, вот ты о чем! Это тоже не может быть. Я только что выпил «Виагру». Лошадиную дозу!

Луиза. – А нужно было человеческую! Ты что-то от меня скрываешь, любимый. У тебя что-то не в порядке. У тебя наверное рейтинг уже минусовой. Как у вечной мерзлоты. И из-за этого падает и все остальное.

Актер. – У нас рейтинг измеряется не качеством фильмов, а количеством. Качество у них у всех одинаковое. Кино-говно. А с количеством у меня все в порядке. Погонных метров немерено.

Луиза. – А сантиметров?

Актер. – Какая пошлость! Хотя… мне это нравится. Это возбуждает. Кстати, я решил сделать тебе сюрприз.

Луиза. – Сюрприз… Я люблю сюрпризы! А какой?

Актер. – Я решил устаканить… эээ… узаконить наши отношения. Я решил предложить тебе руку энд сердце!

Луиза. – Ах, я всегда мечтала об этом… поменять грудь и бедра на руку и сердце!

Актер. – Дворец бракосочетаний ждет нас с нетерпением!

Луиза. – Дворец? Не забывай, я девушка современная. Только церковь!

Актер. – Церковь? Венчание?

Луиза. – Да, чтоб на всю жизнь. Чтоб наверняка. Чтоб ты от меня никогда не вырвался! Церковь – это божий дворец. Развести может только епископ. Но он не

разведет, хоть ты и такой знаменитый.

Актер. – Черт возьми… (Луиза недовольно морщится.) А, я и забыл… (С выражением). О Боже! Мы воспитали замечательное поколение. Всю юность я проходил частично в красном галстуке, частично – с комсомольским значком. Правда я не принимал никакого участия в общественной жизни школы. Нам говорили, что из нас воспитывают материалистов. Я удивлялся этому, и думал, что нас нормально воспитывают. А как надо? Теперь все записались в верующие. Мы не верили в бога, но мы верили в человека. А сейчас все верят в господа нашего прямо как в инопланетянина, который сидит там, за облаками, в своей галактике, и диктует нам заповеди. А в человека не верит вообще никто. Человеком быть никто и не пытается.

Луиза. – По-моему ты безбожник. Понятно, почему у тебя рейтинг падает… это тебя боженька наказывает за безверие!

Актер. – А во что верить-то?

Луиза. – Ты не веришь в Бога… значит у тебя нет совсем ничего святого?

Актер. – Как это нет! Есть! Святое искусство! Я читал, раньше, до революции, все были помешаны на святом искусстве. А теперь просто все помешаны, кто на чем. Каждый сам себе сумасшедший.

Луиза. – Ну, пупсик… у тебя очень пессимистичный взгляд на мир. Он такой приятный! Особенно с тобой. А старперские взгляды тебе иметь еще рано. Ведь ты у меня еще такой молодой… козлик!

Актер. – Ну хорошо. Уговорила… моя козочка! (Луиза хихикает). Сейчас… (набирает номер на телефоне). отец Филарет? Святой отец, это вы? Батюшка? Да, сегодня. Как договаривались. Ждем с нетерпением. Да. Отбой.

Луиза. – Кто это?

Актер. – Скорая священная помощь. Вызов бога на дом. То есть батюшки. Ты знаешь, я не знал о глубине твоей веры…

Луиза. – О глубине?

Актер. – Ну свежеверующая ты, или процесс зашел уже далеко… но понимал, что сейчас все через церковь и… ну… в общем я заранее пригласил батюшку – отца Филарета – зайти и повенчать нас!

Луиза. – Как повенчать? Тут? Прямо вот здесь?

Актер. – Ты понимаешь, у меня, в этом родовом имении, где мы находимся, есть маленькая часовня, вполне пригодная для венчания…

Луиза. – Ты же атеист, зачем тебе часовня?

Актер. – От предков досталась! Я всегда думал – на что-нибудь да пригодится. Впрочем, простую проповедь можно прочесть и на дому, без часовни. Я один раз был у друзей. Домашняя проповедь, вроде лекции. Кошка сидела, тоже слушала.

Луиза. – Кошка? Я тоже кошка… я с удовольствием послушаю… и под венец! Ах, по венец с самим… ооо! Всю жизнь мечтала!

Актер. – Поцелуй же меня, дорогая будущая женушка!

Долго, продолжительно целуются.

Рекс (приподнимаясь на балконе). – Какой кадр! (Щелкает фотоаппаратом).

Макс. – Йез! В его фильмах ничего такого не было!

Рекс. – Ну, в фильмах он недотягивает. Пасует. Как нужна истинная страсть, так облом.

Макс. – Снимаешь?

Рекс. – Да! Снято!

Актер и Луиза продолжают целоваться.

Макс. – Дубль два. Надо было щелкнуть дощечкой. Такая черная, киношная.

Рекс. – И разбить тарелку на счастье.

Актер и Луиза продолжают целоваться. Луиза привзвизгивает.

Макс. – Дубль три. Эммануэль отдыхает.

Рекс. – Время засек?

Макс (смотрит на часы). – Мировой рекорд! Для книжки Гиннеса.

Рекс. – Оптика крутая у меня. Но хорошо бы подобраться поближе. Вот-вот-вот…

Возится на балконе, высовывается все дальше и наконец вываливается вниз. Макс пытается его удержать, но валится вслед за ним, прямо под ноги Актеру и Луизе. Дикий грохот. Крики.

Луиза. – Аааа! Что это?!

Актер. – Кто это?!

Луиза. – Откуда это?! О боже!!!

Рекс (с трудом поднимаясь с пола по частям). – Не… не беспокойтесь, пожалуйста. Не волнуйтесь. Don’t worry, be happy. Это мы.

Актер. – Мы?! Кто это «мы»?!

Рекс. – Мы с Максом. Вот он. Я Рекс. (Поднимает Макса). А это Макс.

Макс. – Позвольте представиться – Максимилиан… ну можно просто Максик.

Луиза. – У нас когда-то был кот – тоже Максик…

Актер. – Да погоди ты со своими котами! Кто они такие, как попали сюда, что здесь делали, быть или не быть – вот в чем вопрос!

Макс. – Мы упали… с забора.

Актер. – Я понимаю, что не с неба! А кто вам позволил, негодяи, сидеть на заборе моей фамильной резиденции?

Рекс. – Мы… мы…

Макс. – Мы ваши фанаты! Мы хотели взять автограф… вообще познакомиться… Понимаете, мы вас очень любим!

Рекс. – Очень-очень!

Макс. – Прямо без ума от вашего таланта! Вот и приходится рисковать!

Актер. – А фотоаппараты с телеобъективами – чтобы разглядеть все подробности? Я все понял! Вы репортеры! Журналюги! Папарацци проклятые. Да просто подонки. Через два «о».

Макс. – Нет, через одно! Настаиваю, что я «Падонок». Через «А».

Рекс. – А я?

Макс. – А ты как хочешь.

Актер. – вы оба пОдонки! Короче. Я вас урою. Я был пионером – урою, честное пионерское. Был комсомольцем – урою, честное комсомольское. Был гуманистом – но на вас законы гуманизма не распространяются. Месяц в юности занимался боксом – поэтому попрошу моих охранников попридержать вас, пока я буду бить ногами. Да я все три партбилета на стол положу, если вас не закопаю прямо тут же, в саду! Билет Компартии, ЛДПР и Единой России… Нет! «Едра» оставлю.

Макс. – Постойте! Не бейте, я все скажу – имена, явки, фамилии. Да, мы репортеры. Мы хотели подобраться поближе… и вот упали с забора. Понимаете, крупный план…

Актер. – Какой газеты?

Макс. – Я не могу вслух говорить, я вам на ухо скажу…

Макс шепчет название Актеру, тот подпрыгивает как укушенный.

Актер. – Этого помойного листка! (Луизе) – Дорогая, все отменяется на сегодня. Я не могу совмещать венчание с похоронами. Пусть даже негласными. Сейчас набираю охрану… (Берет в руки трубку телефона).

Рекс. – Не надо!

Макс. – Мы хотели как лучше!

Актер. – А получилось как всегда. Хорошо. Даю вам последний шанс. Луиза, принеси ноутбук из спальни, посмотрим, что они про меня пишут…

Луиза уходит, Рекс и Макс переглядываются.

Рекс. – Мы ничего такого не писали… Мы же не папарацци какие-нибудь!

Макс. – Мы старались показать вас в самом лучшем свете!

Рекс. – Да уж! И фото тоже… в самом лучшем свете…

Актер. – Ну-ка, дайте сюда фотоаппарат! (Берет фотоаппарат, смотрит снимки на экране). Боже, боже, боже!

Макс. – Вы верующий? Православный христианин? Я надеюсь?

Актер. – Нет, но в любом случае я потерял бы всякую веру, если возможно такое! Копаются во мне, как в помойке!

Луиза вносит ноутбук.

Актер (начинает читать статью Рекса и Макса). – Так… кого я развратил… угу… кого я соблазнил… угу… Казино… бордель… детский дом… от 13 до 16 лет… кого я… на каком острове Тихого Океана… угу… это я? Так. Состав преступления налицо. Клевета, диффамация, вторжение в частную жизнь.

Макс. – Может быть, обойдемся без кровопролития? Вы просто подадите на нас в суд. Вот Уму Турман преследовал безработный псих, утверждал, что она предназначена ему в жены самой судьбой! Он грозил убить себя в случае отказа, а в случае согласия хотел возложить руки на ее тело… Не знаю, куда там класть руки, худая как щепка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/baranov_andrey/paparacci

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить